

Василий АКСЕНОВ, писатель:

Глава моей семьи — тибетский спаниэль Пушкин

Известие - 2002 -
- 24 дек - с. 9

Последним, 21-м томом популярнейшей серии издательства ЭКСМО «Антология Сатиры и Юмора России XX века» стало избранное Василия АКСЕНОВА. Книга оказалась очень удачной, она хорошо расходуется в книжных магазинах. Обозреватель Анна ИВАНОВА позвонила Василию Павловичу во Францию, куда он недавно переехал из Америки, и задала ему несколько вопросов.

— Василий Павлович, вы ведь никогда не числились по ведомству сатиры и юмора. Не удивились, когда ваши сочинения решили включить в антологию?

— Не слишком. Хотя я никогда не был сатириком-профессионалом, не готовил специальных сатирических блюд, но в виде какой-то существенной компоненты сатира или хотя бы просто ироническая интонация в моей кухне присутствует практически постоянно. Наверное, поэтому меня охотно печатали на 16-й полосе прежней «Литературки». И читатели в то время воспринимали это как само собой разумеющееся.

— Сейчас отношение читателей к сатире и юмору изменилось?

— Мне кажется, в ту пору читатели воспринимали эти вещи более тонко. Это был, конечно, особый читатель, приученный понимать тебя с полуслова. Вот эти встречи в Академгородке, в НИИ, в закрытых «ящиках», когда в зале стоит хохот, и именно там, где ты ожидаешь... Что ни говори, это было замечательное ощущение — в конце концов, любой писатель, а не только сатирик-юморист, хочет, чтобы его так понимали. Конечно,

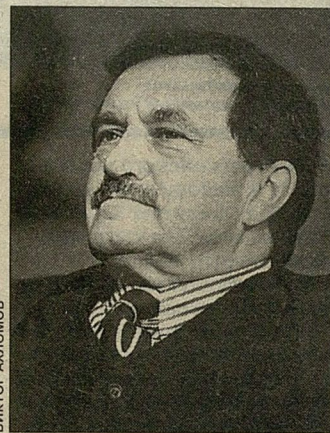
есть вещи, которые устаревают. Устаревают внешнее, но не устаревают мудрость — будь она веселая или грустная. Блестящим писателем в этом плане был, например, Владимир Бахнов, писавший потрясающе смешно, горько и парадоксально, причем его парадоксы двадцати—тридцатилетней давности делаются былью буквально на наших глазах. Без всякого преувеличения я бы назвал его классиком жанра, который я просто не представляю без этого имени.

— А почему в свой том вы решили включить только ранние вещи, а не «Остров Крым», к примеру, или «Скажи: изюм!», где «сатиры» не меньше?

— Наверное, потому что 60—70-е годы — самый «сатирический» период моей жизни. Или сатира тогда была самой прямой. Сейчас я хочу ее не то чтобы спрятать, нет, но чтобы она исходила из глубины того, что пишу. Так сказать, метафизическая сатира. Смешная сторона видимых и невидимых вещей.

— Это относится и к тому, над чем работаете прямо сейчас?

— Надеюсь. Это должен быть такой исторический роман. XVIII век, Париж, Прибалтика, Россия. Сыскные службы, вель-

ВИКТОР АХИМОВ

можи, Вольтер... Конечно, это будет гротеск, но как бы и не очень.

— Во Франции, в Биаррице пишется легче, чем в Вашингтоне?

— Для этого и переезжал. В начале прошлого века здесь была большая русская колония — такая высоколобая. Много петербуржцев, даже члены династии. В детстве Набоков здесь бывал. За окном — Бискайский залив, предгорье Пиренеев. Это город совершенно космополитический. Летом, когда я в основном в Москве, здесь много молодежи. Зимой — старики. И собачки. Очень много собак.

— У вас ведь тоже, кажется, есть?

— О да! Глава семьи — Пушкин. Тибетский спаниэль. Пушкин Васильевич, если по имени-отчеству.